

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2023.29.94.014

**«Пуниец» Тита Макция Плавта: недавний
враг на комедийных подмостках**

Белоусов Максим Геннадьевич

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 17;
e-mail: info@mmu.ru

Аннотация

Целью статьи является анализ образа карфагенского купца Ганнона, заглавного персонажа комедии «Пуниец» (Poenulus) римского драматурга II в. до н.э. Тита Макция Плавта. Данная комедия представляет значительный интерес благодаря заглавному персонажу, который появляется лишь в последнем акте, играя, в целом, незначительную для развития сюжета роль, но при этом является воплощением некоторых черт карфагенского национального характера, как его представляли римские массы в период, следовавший непосредственно за Второй пунической войной. Рассмотрены демонстрируемые Ганноном черты характера в свете возникавших в тот период негативных представлений римлян о карфагенянах. По результатам исследования делается вывод, что образ Ганнона не является стереотипным и уничижительным изображением побежденного врага, поскольку он проявляет ценимые римлянами добродетели и содержит в целом незначительный комический элемент. Персонаж, очевидно, должен был вызывать симпатию римской театральной публики того времени. Демонизация карфагенян в массовой культуре Рима началась позже периода создания комедии. В статье показано, что выдвинутое рядом авторов утверждение, что Ганнон наделен в пьесе стереотипными чертами «коварного пунийца», является недостаточно обоснованным.

Для цитирования в научных исследованиях

Белоусов М.Г. «Пуниец» Тита Макция Плавта: недавний враг на комедийных подмостках // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 7А. С. 132-138. DOI: 10.34670/AR.2023.29.94.014

Ключевые слова

Рим, Карфаген, Вторая пуническая война, римская литература, комедия, Тит Макций Плавт, Poenulus.

Введение

Комедия Тита Макция Плавта «Пуниец» не относится к числу знаменитых произведений этого драматурга. Э. Лефевр [Lefèvre, 2004, 10] назвал ее «пасынком исследований» (ein Stiefkind der Forschung). Историки римской литературы либо обходили ее молчанием [Тронский, 1988, Лосев и др., 1986], либо упоминали вкратце, как содержащую несколько предложений на пуническом языке [Альбрехт, 2002-2005, 199; Соболевский и др., 1959], имеющую необычный пролог [Дуров, 2000, 21], а также «не лишенную интереса, впрочем, слабо очерченную фигуру раба Мильфиона» [Покровский, 1942, 58]. Уже в нынешнем столетии в серии коллективных монографий, посвященных различным произведениям Плавта, вышел сборник о «Пунийце» [Baier, 2004], где, среди прочего, была рассмотрена и фигура Ганнона. Между тем комедия представляет значительный интерес благодаря заглавному персонажу, который появляется лишь в последнем акте, играя, в целом, незначительную для развития сюжета роль, но при этом является воплощением некоторых черт карфагенского национального характера, как его представляли римские массы в период, следовавший непосредственно за Второй пунической войной.

Основная часть

Время написания «Пунийца» неизвестно, однако несомненно, что комедия могла быть поставлена только после окончания Второй пунической войны (201 г. до н.э.); возможно, это произошло также после завершения Второй македонской (196 г. до н.э.), в которой Этолия, где происходит действие, выступала на стороне Рима. Во всяком случае, должно было пройти не менее 10 лет после победоносного разгрома Ганнибала при Заме, чтобы подобна постановка, выведившая в достаточно симпатичном облике представителя недавно враждебного Риму народа, могла быть допущена эдилами и не вызвала скандала [Woytek, 2004, 113]. С другой стороны, в Риме еще должно было оставаться достаточно людей, знакомых с пуническим языком, иначе эпизод V; 2, где хвастливый раб Мильфион пытается «переводить» реплики Ганнона, просто не был бы понят публикой. На этом основании Лефевр даже определяет «Пунийца» как «пьесу для ветеранов» (ein Stück für Veteranen), поскольку именно отставные легионеры были среди населения Рима достаточно крупной группой, хотя бы отчасти понимавшей язык недавних врагов; без достаточного количества зрителей, обладавших такой пресуппозицией, сцена не произвела бы надлежащего комического эффекта [Lefèvre, 2004, 48]. Таким образом, можно считать наиболее вероятным появление пьесы в конце 190-х или начале 180-х гг. до н.э.

Название комедии, традиционно переводимое на русский как «Пуниец», в оригинале содержит уменьшительный суффикс – *Poenulus*, следовательно, более точным переводом было бы «карфагенянишка». По мнению В.К. Хрусталева, это «может быть, намеком на маленький рост главного героя или выражением некоторого пренебрежения к нему со стороны автора пьесы» [Хрусталева, 2015, 31]. Действительно, подобные пренебрежительные наименования даже высококультурных, но побежденных римлянами народов хорошо известны (например, *graeculi*). Рост карфагенян и вправду был невысоким [Циркин, 1996, 127]. Однако в тексте нет указаний на низкорослость Ганнона, поэтому можно считать, что наименование пьесы имеет чисто конъюнктурный характер.

С другой стороны, карфагенский купец не случайно носит имя Ганнон. Оно было хорошо

известно римлянам той эпохи. Такое имя носили несколько карфагенских военачальников, в том числе племянник Ганнибала по прозвищу Старший, успешно действовавший при Каннах, но затем несколько раз разбитый [Ливий, XXV]. Кроме того, так звали главу проримской партии Карфагена Ганнона II Великого, выступавшего последовательным сторонником мира в начале Ганнибаловой войны. После наиболее трагического для римлян поражения при Каннах Ганнон выступил в карфагенском сенате с речью, обличавшей опрометчивую политику Карфагена, указывая, что победы Ганнибала вовсе не склонили римлян к миру [Ливий, XXIII, 12-13]. Римляне, несомненно, по достоинству оценили позицию Ганнона. Поэтому такое имя персонажа должно было казаться римлянам симпатичным, вызывая ассоциации с победами в недавней войне. Наконец, поскольку представляется несомненным знакомство части плавтовских зрителей с пуническим языком, они могли уловить и значение этого имени – «милостивый».

Первая характеристика Ганнона дана в прологе (стихи 105-113), после рассказа о его пропавших дочерях. Ганнон определяется как опытный и осторожный собиратель информации, который не спешит раскрывать свое лицо перед посторонними: «Хитро он, ловко ищет дочерей своих. // Все знает языки, но притворяется // Незнающим: пуниец уж доподлинно!» (Poenus plane est). Негатива здесь не содержится. «Подлинный пуниец» Ганнон не совершает никакого обмана, не проявляет коварства, преследует вполне благую цель – найти своих похищенных дочерей, которым угрожает принуждение к проституции. Можно ожидать, что Ганнон вскоре появится на сцене, но этого не происходит. Он выступает перед зрителем только в заключительном, пятом акте, когда развязка уже предрешена, что может показаться несколько странным: главным героем комедии фактически выступает не тот, по кому она названа, а его племянник Агорастокл. Однако, несмотря на свое скромное участие в интриге, Ганнон сразу привлекает к себе положительное внимание, выступая сперва в роли благочестивого отца (*pater pius*), затем доброго старика (*senex lepidus*). Свое появление он, как полагается чужеземцу, сопровождает приветствием божествам Калидона (ст. 950). Сразу же после этого он случайно слышит разговор Агорастокла с Мильфионом, догадывается о судьбе дочерей и вновь благодарит богов (ст. 967), не забывая это регулярно делать и впоследствии.

Внешность Ганнона соответствует известным нам сведениям об облике карфагенян [Циркин, 1996, 128]: он носит длинную, до пят тунику (*cum tunicis advenit*), видимо, и специфический восточный головной убор, что позволяет Мильфиону сразу определить его как чужестранца. На эту длинную одежду в дальнейшем неоднократно обращают внимание все, кто впервые видит Ганнона. Еще одной деталью является отсутствие привычного для греков плаща, что вызывает насмешливую реплику Мильфиона: «не в бане ль у приятеля стащили плащ?» (ст. 976). Далее Мильфион комментирует внешность сопровождающих Ганнона рабов: «старомодные и дряхлые» (*veteres antiquosque*), обращая внимание на кольца в ушах (ст. 975-980). Несомненно, все это казалось смешным римскому зрителю, но не более, чем может вообще представляться комичным иностранец в национальном костюме. Более того, далее объектом комизма становится уже сам Мильфион, хвастающийся знанием пунического языка, который на проверку ему практически неизвестен (ст. 990-1028). Ганнон же демонстрирует прекрасное знание латыни, точнее, принимая во внимание место действия и театральную условность – греческого языка, и попрекает Мильфиона его недостойными насмешками: «Плохой ты, никуда не годный, видно, раб// Коли смеешься над пришельцем-странником!» (ст. 1029-1030). Агорастокл тут же поддерживает Ганнона, признав в нем соотечественника. В дальнейшем Ганнон снова окажется объектом насмешек со стороны заведомо отрицательного персонажа –

хвастливого воина Антаменида, который честит его «трактирным мальчишкой» (*quasi puer sauronius*), «бабой» (*mulier*), «полумужчиной» (*hallex viri*) и иными унижительными эпитетами. Однако и здесь Ганнон сохраняет полное спокойствие, вежливо отвечая Антамениду.

Плавтовский пуниец демонстрирует также хорошее знание местных законов: он готов по суду истребовать возвращения дочерей, не прибегая к насилию и будучи уверенным в своей правоте. Еще один весьма важный момент заключается в отношении Ганнона к обману. Он хитер, однако не использует обман для достижения своекорыстных целей, при этом считая вполне естественным обмануть врага:

Мильфион

А хитрить, скажи, ты мастер ли?

Ганнон

С врагом – конечно, с другом глупо было бы

(ст. 1089-1090).

Подобное поведение по принципу «на войне все средства хороши» воспринималось римлянами как совершенно нормальное. Когда Мильфион предлагает Ганнону прикинуться, будто бы содержащиеся у сводника Лика девушки – его дочери, Ганнон тут же соглашается и столь убедительно демонстрирует отцовские чувства, что вызывает восторг Мильфиона: «Какой ловкач! // Хитрец и плут умнейший и пронырливый! // Как плачет, чтобы к делу подойти верней! // Меня забьет он, главного строителя» (ст. 107-110). Однако, как зритель уже знает из пролога, Адельфасия и Антерастилида и в самом деле являются дочерьми Ганнона, поэтому в данном случае пуниец не лицемерит, и задуманный Мильфионом обман сводника неожиданно оказывается правдой. Следовательно, возникает парадокс, делающий личность Ганнона особенно симпатичной: даже участвуя в обмане, он в реальности никого не обманывает! Трудно представить сюжетный ход, который больше свидетельствовал бы в пользу персонажа.

Комедия Плавта написана в период, когда миф о «пунийском вероломстве» только зарождался (Никишин, с. 204), однако это было время активных контактов Рима с греческой культурой, где издревле существовало настороженное, а подчас и враждебное отношение к финикийцам. Первым представителем этой традиции выступил еще Гомер («Одиссея», XV, 403-484). Несомненно, что недавний враг воспринимался в контексте представлений, уже сформировавшихся у соседнего высококультурного народа. Известно также, что Плавт использовал не дошедшую до нас комедию «Карфагенянин» греческого автора Алексиды [Соболевский и др., 1959, 68], хотя невозможно установить, в какой мере он ее переработал. В. Хусс перечисляет следующие пороки, которыми карфагеняне наделялись в сознании римлян: алчность, жестокость, надменность, нечестивость [Хусс, 2015, 38]. Однако нетрудно заметить, что Ганнон не демонстрирует приверженности ни одному из этих пороков. Как уже отмечалось, он весьма благочестив, что проявляется не только в постоянных обращениях к богам, но и в самом поиске дочерей, что для отца является исполнением религиозного долга. По-видимому, римским зрителям особенно импонировала сцена, где Ганнон, узнав дочерей, обращается к Юпитеру, а не к какому-либо семитскому божеству (ст. 1165, 1183-1190). У него отсутствует алчность: Ганнон охотно соглашается отдать Агорастоклу отцовское наследство и даже завещать ему свое имущество, хотя бы тот никогда не приезжал в Карфаген (ст. 1080-1084). Нельзя упрекнуть его в надменности или жестокости – он учтиво ведет себя с оскорбляющим его Антаменидом, не позволяет привлечь к суду сводника Лика, который едва не принудил его дочерей к проституции, удовлетворившись возмещением ущерба и моральным торжеством над ним (ст. 1338). Если бы дело дошло до суда, своднику грозило бы суровое наказание за продажу

в рабство свободнорожденных. Единственный порок, в котором Ганнона можно было бы обвинить, это сладострастие – разыскивая дочерей, он в каждом городе проводит ночи с блудницами, собирая нужную ему информацию (ст. 106-109). Однако нельзя забывать, что и здесь Ганноном движет в первую очередь стремление к благородной цели – он имеет полное право предполагать, что его дочери были проданы в лупанарий, как обычно происходило с похищенными девушками, но это его не останавливает. Во всяком случае, римскому зрителю такое поведение карфагенянина должно было представляться смешным, но не позорным. Что же касается стихов 1217-18, где содержится намек на инцест Ганнона с дочерьми, в современных изданиях они признаются не принадлежащими Плавту и более поздней вставкой, относящейся ко времени, когда образ коварного пунийца уже вполне сформировался в римском массовом сознании, и в новых постановках понадобилось очернить персонажа [Плавт, 1987, Т. 2, 410].

Заключение

Подводя итог исследования, можно констатировать, что Ганнон наделен автором весьма ценными в римском обществе чертами. Практически все зрители могли оценить его по достоинству: бывшие легионеры видели в нем представителя побежденного, но храброго и умелого на войне народа, на матрон должны были произвести впечатление его отцовские чувства к дочерям и племяннику, торговцы отметили бы в нем честность, наконец, всем без исключения зрителям могли понравиться ценимые в Риме добродетели, которые демонстрирует Ганнон: благочестие, хладнокровие, учтивость, сдержанность, определенное милосердие к посрамленному врагу. Несомненно, Ганнон комичен, в основном благодаря своему экзотическому внешнему виду, но не более, чем все другие персонажи. Немаловажно, что крайне грубые и уничижительные характеристики Ганнона вложены в уста хвастливого воина Антаменида и раба-пройдохи Мильфиона, лиц весьма несимпатичных. Хотя рабы часто играют у Плавта решающую роль в разрешении комедийной интриги, как раз Мильфион этим похвастаться не может – он лишь случайно оказывается обладателем нужных для этого сведений благодаря Синкерасту, рабу сводника Лика (ст. 895-900). Кроме того, оскорбительное поведение раба и воина выглядит вдвойне недостойным – Мильфион сразу же после этого попадает впросак, пытаясь выдать себя за знатока пунического наречия, Антаменид моментально пасует, когда Агорастокл угрожает побить его. Таким образом, можно признать, что выдвинутое рядом авторов [Franko, 1994, 155-156; Maurice, 2004, 267-290] утверждение, что Ганнон наделен в пьесе стереотипными чертами «коварного пунийца», является недостаточно обоснованным.

Библиография

1. Альбрехт М.Ф. История римской литературы от Андроника до Бозэция и ее влияния по дальнейшие эпохи. М.: Греко-латинский кабинет И.Ю Шичалина, 2002-2005. Т. 1. URL: <http://www.mgl.ru/library/6/albreht-m-tom-1.html>
2. Голубцов Е.С. (ред.) Тит Ливий. История Рима от основания города. В 3 т. М.: Наука, 1989-1993. Т. 1-3.
3. Дуров В.С. История римской литературы. СПб., 2000. 624 с.
4. Лосев А.Ф. и др. Античная литература. М.: Просвещение, 1986. 464 с.
5. Никишин В.О. Metus Punicus: фактор страха в противостоянии Рима и Карфагена // Пунические войны. История великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном. СПб.: Гуманитарная академия, Ювента, 2017. С. 199-219.
6. Плавт Тит Макций. Комедии. В 2 т. М.: Искусство, 1987. Т. 2. С. 331-424.
7. Покровский М.М. История римской литературы. М.; Л., 1942. 535 с.

8. Соболевский С.И. (ред.) История римской литературы. М., 1959. Т. 1. 535 с.
9. Тронский И.М. История античной литературы. М.: Высшая школа, 1988. 464 с.
10. Хрусталеv В.К. Punica fides: карфагеняне как военный противник и партнер на переговорах глазами римлян эпохи пунических войн // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 30-33.
11. Хусс В. История карфагенян. СПб.: Нестор-История, 2015. 448 с.
12. Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М.: Наука, 1986. 287 с.
13. Franko G. The Characterization of Hanno in Plautus' "Poenulus" // AJPh. 1996. Vol. 117. P. 425-452.
14. Franko G. The Use of Poenus and Carthaginiensis in Early Latin Literature // CPh. 1994. Vol. 89. P. 155-156.
15. Lefèvre E. Plautus "Poenulus" zwischen und Stegreifspiel // Studien zu Plautus' Poenulus. Tübingen, 2004. S. 9-61.
16. Maurice L. The Punic, the Crafty Slave and the Actor: Deception and Metatheatricality in the Poenulus // Studien zu Plautus' Poenulus. Tübingen, 2004. S. 267-290.
17. T. MACCI PLAVTI POENVLVS. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/plautus/poenulus.shtml>
18. Woytek E. Zur Datierung des Poenulus // Studien zu Plautus' Poenulus. Tübingen, 2004. S. 113-137.

"Poenulus" of Titus Maccius Plautus: a recent enemy on the comedy stage

Maksim G. Belousov

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Humanities,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@mmu.ru

Abstract

The purpose of the article is to analyze the image of the Carthaginian merchant Gannon, the title character of the comedy "Poenulus" by the Roman playwright of the 2nd century BC Titus Maccius Plautus. This comedy is of considerable interest due to the title character, who appears only in the last act, playing, on the whole, an insignificant role for the development of the plot, but at the same time is the embodiment of some features of the Carthaginian national character, as it was represented by the Roman masses in the period immediately following the Second Punic War. The character traits demonstrated by Gannon are considered in the light of the negative ideas of the Romans about the Carthaginians that arose at that time. Based on the results of the study, it is concluded that the image of Gannon is not a stereotypical and derogatory image of a defeated enemy, since he shows the virtues valued by the Romans and contains a generally insignificant comic element. The character, obviously, was supposed to arouse the sympathy of the Roman theatrical public of that time. The demonization of the Carthaginians in the popular culture of Rome began later than the period of the creation of comedy. The article shows that the assertion put forward by a number of authors that Gannon is endowed in the play with the stereotypical features of the "insidious Punian" is not sufficiently substantiated.

For citation

Belousov M.G. (2023) «Puniets» Tita Maktsiya Plavta: nedavnii vrag na komediinykh podmostkakh ["Poenulus" of Titus Maccius Plautus: a recent enemy on the comedy stage]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 13 (7A), pp. 132-138. DOI: 10.34670/AR.2023.29.94.014

Keywords

Rome, Carthage, Second Punic War, Roman literature, comedy, Titus Maccius Plautus, Poenulus.

References

1. Albrecht M.F. (2002-2005) *Istoriya rimskoi literatury ot Andronika do Boetsiya i ee vliyaniya po dal'neishie epokhi* [Geschichte der römischen Literatur. Von Andronicus bis Boethius. Mit Berücksichtigung ihrer Bedeutung für die Neuzeit]. Moscow: Greko-latinskii kabinet I.Yu Shichalina Publ. Vol. 1. Available at: <http://www.mgl.ru/library/6/albreht-m-tom-1.html> [Accessed 05/05/2023]
2. Durov V.S. (2000) *Istoriya rimskoi literatury* [History of Roman Literature]. St. Petersburg.
3. Franko G. (1996) The Characterization of Hanno in Plautus' "Poenulus". *AJPh*, 117, pp. 425-452.
4. Franko G. (1994) The Use of Poenus and Carthaginiensis in Early Latin Literature. *CPh*, 89, pp. 155-156.
5. Golubtsov E.S. (ed.) (1989-1993) *Tit Livii. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda. V 3 t.* [Titus Livius. History of Rome from the founding of the city. In 3 vols.]. Moscow: Nauka Publ. Vols. 1-3.
6. Khrustalev V.K. (2015) Punica fides: karfagenyane kak voennyi protivnik i partner na peregovorakh glazami rimlyan epokhi punicheskikh voyn [Punica fides: Carthaginians as a military adversary and negotiating partner through the eyes of the Romans of the Punic Wars]. *Pskovskii voenno-istoricheskii vestnik* [Pskov Military Historical Bulletin], 1, pp. 30-33.
7. Huss W. (2015) *Istoriya karfagenyan* [History of the Carthaginians]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.
8. Lefèvre E. (2004) *Plautus "Poenulus" zwischen und Stegreifspiel // Studien zu Plautus' Poenulus*. Tübingen.
9. Losev A.F. et al. (1986) *Antichnaya literatura* [Antique literature]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
10. Maurice L. (2004) The Punic, the Crafty Slave and the Actor: Deception and Metatheatricality in the Poenulus. In: *Studien zu Plautus' Poenulus*. Tübingen.
11. Nikishin V.O. (2017) Metus Punicus: faktor strakha v protivostoyanii Rima i Karfagena [Metus Punicus: the fear factor in the confrontation between Rome and Carthage]. In: *Punicheskii voyny. Istoriya velikogo protivostoyaniya. Voennye, diplomatische, ideologicheskie aspekty bor'by mezhdurimom i Karfagenom* [Punic Wars. The history of the great confrontation. Military, diplomatic, ideological aspects of the struggle between Rome and Carthage]. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya, Yuventa Publ.
12. Plautus Titus Maccius (1987) *Komedii. V 2 t.* [Comedies. In 2 vols.]. Moscow: Iskustvo Publ. Vol. 2.
13. Pokrovskii M.M. (1942) *Istoriya rimskoi literatury* [History of Roman Literature]. Moscow; Leningrad.
14. Sobolevskii S.I. (ed.) (1959) *Istoriya rimskoi literatury* [History of Roman Literature]. Moscow. Vol. 1.
15. *T. MACCI PLAVTI POENVLVS*. Available at: <https://www.thelatinlibrary.com/plautus/poenulus.shtml> [Accessed 05/05/2023]
16. Tronskii I.M. (1988) *Istoriya antichnoi literatury* [History of ancient literature]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
17. Tsirkin Yu.B. (1986) *Karfagen i ego kul'tura* [Carthage and its culture]. Moscow: Nauka Publ.
18. Woytek E. (2004) Zur Datierung des Poenulus. In: *Studien zu Plautus' Poenulus*. Tübingen.